

На правах рукописи

Данилов Вадим Валерьевич

**«АРХИТЕКТУРНАЯ КРИТИКА» КАК КОНЦЕПТ РОССИЙСКОЙ
МЕДИАКУЛЬТУРЫ 1990-2000-Х ГГ.**

Специальность 5.10.1 Теория и история культуры, искусства

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата культурологии

Москва 2026

Работа выполнена на кафедре истории и теории культуры факультета культурологии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (ФГАОУ ВО «РГГУ»)

Научный руководитель: **Зверева Галина Ивановна**
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Константин Дмитриевич Бугров**
доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук», г. Екатеринбург

Невлютов Марат Раилевич
кандидат архитектуры, старший научный сотрудник «Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства» (НИИТИАГ) филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» (ФГБОУ ВО «НовГУ»)

Защита состоится «6 апреля» 2026 года в 17.00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.366.09 на базе ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» по адресу: 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6. стр. 6.

С текстом диссертации можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВО «РГГУ» и на сайте ФГАОУ ВО «РГГУ» по адресу:

<https://www.rsuh.ru/dissovet/24-2-366-09-po-kulturologii-istoricheskim-naukam/danilov-vadim-valerevich.php>

Автореферат разослан «_____» _____ 2026 г.

И.о. Ученого секретаря
диссертационного совета

Юрий Геваргисович Бит-Юнан,
доктор филологических наук, доцент

Общая характеристика работы

Говоря об архитектурной критике как культурном феномене, мы подразумеваем практику производства текстов, посвященных критическому анализу актуальной архитектуры и городской среды. С. Заварихин предлагает считать основанием для отнесения текста к архитектурной критике его направленность на истолкование и оценку архитектурных объектов и иных составляющих архитектурного процесса. Подобным образом определяет критику и П. Коллинз, указывая на то, что именно объект критики объединяет её крайне разнородные формы.

Сама по себе архитектурная критика является менее устоявшейся культурной формой, чем традиционные модели художественной критики: литературной, театральной, кинематографической. Она исторически была в меньшей степени представлена в медиа, а её влияние на массовую аудиторию представляется ограниченным. Двойственность положения архитектурной критики определяется как её недостаточной степенью включенности в пространство публичной художественной критики, так и притязаниями профессиональных архитектурных сообществ на её привилегированное использование.

В силу данных обстоятельств архитектурная критика может ограничиваться полем эстетических и архитектурных теорий и быть ориентированной исключительно на профессиональную среду. Однако, некоторые формы архитектурной критики обладают способностью выносить вопросы архитектуры в публичное пространство, давать начало общественной архитектурной дискуссии. Так, посредством критики архитектурных сооружений и течений осуществляется выход на широкие социальные и политические контексты.

На протяжении всего советского периода основными производителями архитектурной критики являлись архитекторы и теоретики архитектуры, а сама критика зачастую рассматривалась как вспомогательная архитектуре дисциплина. Парадоксальным образом именно в институциональной архитектурной среде позднесоветского периода начинают формироваться притязания на выход критики в публичное пространство.

Специфика сложившейся в период 1990–2000-х годов культурной ситуации приводит к распространению новых форм архитектурной критики, отличительной чертой которой становится направленность на публичную дискуссию (реальную или воображаемую). Такое положение вещей располагает к тому, чтобы по-новому взглянуть на то, как функционирует архитектурная критика в медиатизированной среде. Для этого необходимо сместить фокус в сторону практик её производства, которые рассматриваются в данной работе в контексте трансформаций статуса экспертного знания.

Актуальность темы исследования. Архитектурной критике и её дискурсам посвящено достаточно много работ, демонстрирующих различные подходы к данному феномену. Однако, основной массив исследований российской архитектурной критики представляет собой один из подразделов теории и истории архитектуры, тем самым ограничивая её анализ рамками восприятия критики как «прикладной» для архитектуры дисциплины или практики. Также зачастую в рамках исследований архитектурной критики наблюдаются попытки рассматривать архитектурную критику как сущностное однородное явление, лишённое исторической и контекстуальной специфики. Осмысление архитектурной критики не только как культурного феномена, но и исторически, социально и культурно обусловленного концепта, невозможно без фокуса на её акторах, инструментах, теоретических, исторических и эпистемологических контекстах.

Предлагаемый в данном исследовании подход к архитектурной критике как концепту медиакультуры 1990-2000-х гг. отличает специфика оптики, применяемой к выбранному для анализа корпусу текстов, которая предполагает выход за пределы архитектурного дискурса. Это позволяет рассматривать газетную, журнальную и сетевую критику данного периода как одну из особенностей медийного ландшафта эпохи, связанную в первую очередь с новыми практиками культурного потребления. Выявляются новые формы архитектурной критики, в которых она существовала в пространстве российской медиакультуры на протяжении двух десятилетий и анализируются причины выхода архитектурной критики на широкие и ранее несвойственные ей аудитории. Таким образом критика рассматривается не с точки зрения вопросов истории и теории архитектуры, но в перспективе её социокультурной проблематики. Это позволяет продемонстрировать, как новое содержание концепта «архитектурной критики» отражает магистральные тенденции в постсоветской культуре 1990–2000-х гг. В работе исследуется также вклад архитектурной критики в сферу современных медиа и массовой культуры за счёт сформированных в её рамках определенных дискурсов и мифологий.

В данном исследовании процессы, происходящие в архитектурной среде и их отражение в медиакультуре в виде новых форм критики, рассматриваются в рамках проблемного поля пересмотра роли профессиональных институций, девальвации экспертного знания, трансформации стратегий культурного потребления.

Степень разработанности темы. Исследования архитектурной критики ведутся на протяжении всего нескольких десятилетий. Несмотря на то, что долгое время в фокусе внимания были её сугубо профессиональные аспекты, возникла и культурологическая перспектива её изучения. Ряд исследователей придерживается разностороннего взгляда на архитектурную критику, рассматривая её в первую очередь как на культурный феномен.

Среди наиболее заметных отечественных исследований архитектурной критики – работы С.П. Заварихина, Н.В. Багровой, И. Тарасовой и О. Шипицыной. Работая в сфере истории и теории архитектуры, авторы делают акцент на институциональные и дисциплинарные аспекты критики. Их исследования также демонстрируют оригинальное культурологическое видение: через призму архитектурной критики они раскрывают культурные коды и ценностные системы, свойственные разным эпохам. С. Заварихин совершает одну из первых в отечественной науке попыток поместить архитектурную критику в пространство исследований критики как феномена культуры. Он предлагает собственную систему периодизации истории русской архитектурной критики, а также затрагивает предпосылки её возникновения и особенности функционирования в различных исторических контекстах. В подходе Н. Багровой архитектурная критика понимается как коммуникативный акт, посредник между узкопрофессиональной архитектурной средой и общекультурным контекстом. Это становится предпосылкой к выделению её в качестве особой разновидности дискурса, сочетающего в себе речевые и внеречевые практики. Шипицына и Тарасова помещают архитектурную критику в рамки профессиональной архитектурной деятельности, затрагивая проблематику «парадигм» критики, определённых моделей знания, которые доминируют в ней в различные эпохи. Так констатируется значимость анализа не только теоретических работ, но и публикаций в периодических изданиях.

Для ряда зарубежных исследователей также характерно доминирование концепций, унаследованных от профессиональной архитектурной оптики, что наблюдается в работах В.Ф.Э. Прайзера, Дж. Ренделл, А.Т. Девиса, А.М. Салама, А. Харди. Несмотря на включение культурных контекстов, в них преобладает интерпретация критики как функциональной дисциплины, нацеленной на «оценку качества» («performance evaluation») архитектурных сооружений и проектов.

Попытки включения архитектурной критики в социокультурный контекст можно встретить в работах В.Г. Басса, в которых рассматриваются проблемы формирования архитектурных дискурсов и их влияния на массовую и профессиональную культуру дореволюционного и советского периодов, а также М.С. Ильиченко, подчеркивающих особую роль репрезентации архитектуры в публичной риторике, в том числе на страницах периодических изданий. Л.В. Сайгина и И.Е. Печенкин обращаются к архитектурной критике для того, чтобы реконструировать художественную жизнь середины XIX столетия.

Взгляд на критику как на исторически, социально и культурно обусловленный концепт предлагается в работах Э. Жаньер и П. Скривано, С. Стефенс. Исследователи делают фокус на акторах и инструментах критики, реконструируют исторические и

эпистемологические контексты, в которых она производится. Особое значение для авторов обретает рассмотрение критики именно в контексте медиатизированного общества. Более детальным рассмотрением отдельных аспектов данного направления занимаются М. Россо и В. Диделон, работы которых сфокусированы на архитектурной критике как части культурной журналистики. Стремительным изменениям современного медийного пространства и их влиянию на архитектурную критику посвящены публикации Т. Фишера, изучающего кризис «большой» архитектурной критики, наблюдения Д. Т. Феррандо об изменениях в практиках архитектурной критики, которые связаны с переходом в сетевое пространство.

Проблематике производства экспертного дискурса в архитектурной критике посвящены работы К.А. Гюзера, Н. Кристенсен, Я. Гальер и Р. Фигейредо, в которых освещаются проблемы саморепрезентации внеинституциональных групп критиков и трансформации критических практик в реалиях современной массовой культуры. Междисциплинарные исследования архитектурной критики ведутся в рамках действующего с 2018 года международного проекта «Mapping Architectural criticism, 20th and 21st Centuries: a Cartography» (Н. Булуш, А. Хульцш, Дж. Леони, П. Скривано, Л. Шталдер, С. Стефенс, А. Томин-Беррада, под руководством Э. Жаньер).

Объектом исследования является архитектурная журналистика периода 1990-2000-х гг. в печатных и сетевых российских медиа.

Предмет исследования: новые способы производства и репрезентации экспертного знания в российской медиакультуре, конструируемые посредством концепта «архитектурной критики».

Цель данного исследования – выяснить, как процессы, происходящие в архитектурной среде и социально-культурном пространстве в условиях постсоветских трансформаций, приводят к смещению границ экспертного знания в медиатизированной среде.

Задачи:

- исследовать исторический и социально-культурный контекст, в рамках которого формировался концепт «архитектурной критики».
- охарактеризовать процессы зарождения и бытования новых форм критики в медиакультуре.
- определить социокультурные функции, которые выполняет архитектурная критика исследуемого периода.
- проанализировать, при помощи каких понятий и смысловых конструкций формируется дискурс новой архитектурной критики,

— реконструировать стратегии, логики и контексты функционирования, а также границы исследуемого дискурса, выделить его ключевые категории.

Источниковая база исследования. Первую группу источников составляют публицистические тексты об архитектуре в ориентированных на широкую аудиторию газетах и журналах 1990–2000-х гг. В выборку входят: «Коммерсантъ», «Сегодня», «Ведомости», «Независимая газета», «Известия», «Культура», «Время новостей», журналы «Wallpaper*», «Штаб-квартира», «Коммерсантъ Власть», «Коммерсантъ Weekend», «Итоги», «Политбюро», «Интерьер + Дизайн», «Новая модель», «Смысл», «Креатив. Creativity», «Проект Россия». Мы объединяем эти тексты в корпус архитектурной критики на основании двух критериев: специфики их саморепрезентации в медийном поле и содержательной направленности на критический анализ актуальной архитектуры и городской среды.

Выборка источников производилась в предварительно обозначенных хронологических рамках (от непосредственного зарождения новых форм архитектурной критики в начале 1990-х годов до периода значительного сокращения присутствия критики в медийной среде к концу 2000-х). Используемый в исследовании массив текстов формировался с опорой на предварительно выделенный ряд опорных дискурсивных категорий (узловых точек), которые представляются в рамках исследования наиболее репрезентативными. Категории сформированы путём обращения к предшествующим архитектурным дискурсам и выделению в них ряда опорных концептов, которые также наблюдаются, преобразуются или нивелируются в рамках источников, а также выявления тех концептов, которые впервые получают широкое распространение.

Вторую группу источников составляют тексты, которые появлялись в 1990-2000-х гг. в узкопрофессиональных изданиях об архитектуре и строительстве и также позиционируются их авторами как «архитектурная критика». Они печатались в журналах «Архитектурный вестник», «Архитектура. Строительство. Дизайн», «Архитектура и строительство Москвы», «Архитектура и строительство России». Данные издания претендуют на «наследование» крупным советским архитектурным медиа. Источники обладают характерной замкнутостью на профессиональном архитектурном сообществе, которое их порождает. Они представляют собой попытку продолжить позднесоветскую линию воспроизводства экспертного знания в области архитектурной критики и представляют интерес с точки зрения декларируемых в них установок и особенностей саморепрезентации в условиях существования в качестве маргинального дискурса.

К третьей группе источников относятся публикации в Интернете на архитектурных порталах «Архи.ру» и «Другая Москва», а также материалы, связанные со

«внешней» саморепрезентацией архитектурных критиков – опубликованные интервью, воспоминания.

Методы изучения источников

В работе используются междисциплинарные методы изучения текстов культуры, используемые в исследованиях медиакультуры и экспертного знания. В качестве ведущего метода выступает *дискурсивный анализ* вербальных текстов используется для выявления структуры и границ дискурса, фиксации конкурирующих систем значений и их борьбы за экспертную гегемонию в поле архитектурной критики. *Семиотический анализ* позволяет проследить, как в текстах медиакультуры конструируются значения, образы аудитории и модели её идентичности через коды, связанные с потреблением и повседневными практиками.

Теоретико-методологические основы исследования. Наиболее продуктивным для исследования в силу специфики источников является обращение к теориям дискурса, широко использующиеся в поле исследований культуры. Такой подход позволяет плодотворно исследовать практики коммуникации, идентичности и культурные особенности в достаточно узких контекстах. В исследовании используется теория дискурса Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф (наиболее полно сформулированная в работе «*Hegemony and Socialist Strategy*») и сформированная на её основе методология работы с текстовыми источниками. В теории Лаклау и Муфф дискурс понимается как структура, состоящая из разноуровневых знаков – эти знаки фиксированы за счёт установленных значений, проявленных в отношении с другими знаками, которые исключают иные значения. Таким образом дискурс ограничивает возможности для интерпретации и дальнейшего образования связей. Пространство возможностей, которые исключает дискурс в рамках данной концепции называется областью дискурсивности, где находятся исключенные в рамках определённого дискурса дополнительные значения каждого знака. Так, в случае постсоветской архитектурной критики мы имеем дело с конфликтующими дискурсами (одинаково претендующими на монополию в «экспертном» знании) – сама возможность подобного разделения пространства архитектурной критики представляет собой результат борьбы дискурсов. Для данного исследования также важна введенная Лаклау и Муфф концепция идентичности как ситуации идентификации человека с субъектной позицией в структуре дискурса – в 1990-2000-е гг. концепт «архитектурной критики» перемещается в сферу массовой культуры, за счёт чего нам представляется особенно важным реконструировать те идентичности, которые он предлагает своей аудитории.

Для создания модели того, как архитектурная критика функционирует в новых условиях медиакультуры 1990-2000-х гг., мы обращаемся к разработкам теоретическим

наработкам исследований массовой культуры, значительный вклад в которые привнесла деятельность Бирмингемского центра современных культурных исследований и направления cultural studies, у истоков которого стояли Раймонд Уильямс и Ричард Хогтарт и Стюарт Холл. Основы теории репрезентации в рамках данной школы культурологической мысли были сформулированы Холлом в 1970-е годы в статье «Encoding and Decoding in the Television Discourse», а в дальнейшем пересматривались и развивались в работах «Representation: Cultural Representations and Signifying Practices» и «Doing cultural studies: The story of the Sony Walkman». Они представляют собой синтез ряда ключевых теорий репрезентации XX века – структуралистского подхода, «археологии знания» Мишеля Фуко и исследований дискурса в русле культурных исследований, делая акцент на материальном измерении культуры и социальных практиках. Определение репрезентации в теории Холла – процесс использования субъектами культуры языка для производства значений. Смысл объектов репрезентации в свою очередь рождается в коммуникационных и интерпретационных процессах, кодировании и декодировании текстов. В свою очередь результаты интерпретации не случайны, а определяются соответствующим культурным контекстом. Системы репрезентаций, конструируемые средствами массовой информации, сообщают индивидам определённые модели отношения к реальности, участвуя в конструировании процесса их самоидентификации.

С точки зрения Холла, сам процесс производства любого медиаконтента является дискурсивным, так как включает в себя определенный набор значений и идей, сложившиеся системы знания, исторически обусловленные профессиональные навыки и идеологии, институционализированное знание, определения и убеждения, в том числе относительно аудитории.

В рамках данного исследования нас интересует репрезентация, в частности, определённых адресатов дискурса новой российской архитектурной критики, некий набор образов и характеристик читателей, к которому обращаются его авторы, связанных в первую очередь с репрезентацией специфических моделей потребления. Дискурс в данном случае рассматривается как своего рода «оператор» репрезентации, инструмент её конструирования. Обращаясь к специфике социокультурного контекста, подобное использование теории репрезентации может помочь в раскрытии дополнительных аспектов механизмов и эффектов функционирования исследуемого дискурса.

Важную роль в исследовании того, как новая архитектурная критика апеллирует к социокультурной идентичности читателя через повседневные и потребительские практики занимают теоретические разработки, затрагивающие проблематику культурного потребления, в частности работы П. Бурдьё, представляющие дальнейшую разработку

социокультурной основы теории Т. Веблена, с привлечением таких понятий как символический и культурный капитал, вкус и габитус, а также посвященные анализу иерархической структуры вкуса. Современное развитие идей Бурдьё предлагает американский публицист Д. Брукс, чьи наблюдения относительно трансформаций современных практик потребления «образованного класса» раскрываются посредством концепта «богемной буржуазии».

Исследуя фигуру архитектурного критика, мы обращаемся к работам, проблематизирующим экспертный статус критика. Мы опираемся на предпосылку Т. Иглтона о том, что условием любого критического дискурса является его связь с публичной сферой. Будучи адресованным публике, критическое высказывание приобретает отличный от частной рефлексии статус, связанный с убеждением, провоцированием дискуссии и поиском легитимации у потребляющей его аудитории. Другой немаловажной теоретической рамкой является сформулированная Н. Штером и Р. Грундманом связь моделей производства экспертизы с доминированием определённых «культур знания» в медиатизированной среде.

Важным для работы является понимание критика как культурного «медиатора», эксперта-посредника между культурной продукцией и её аудиториями. Это направление активно разрабатывали Р.Б. Роллин, выделивший стратегии производства экспертности носителями профанного знания и У.М. Шрам, предложивший рассматривать отношения критика с аудиторией как «статусную сделку». Важными для анализа являются разработки П. Риксона, предложившего с опорой на теорию А. Грамши рассматривать положение современного критика культуры как находящегося в ситуации «двойной институциональной гегемонии» – что представляется интересным ракурсом в контексте особенностей взаимодействия СМИ, власти и строительной индустрии в постсоветской России.

На выборе теоретико-методологической рамки сказывается специфическая сложность культурного феномена архитектурной критики, связанная с невозможностью говорить о критике как о некоем едином, цельном, эволюционно развивающемся явлении, необходимость фокусироваться на акторах и инструментах критики, теоретическом, эпистемологическом и историческом контекстах.

Научная новизна исследования. Посредством концепта «архитектурной критики» в медиакультуре 1990–2000-х гг. формируется и устанавливается специфический тип экспертного суждения об архитектуре. В исследовании впервые проводится детальный анализ исторического и культурного контекстов данного процесса. Рассматривая его как часть масштабного парадигмального сдвига, в результате которого в российской культуре

появляются новые формы производства экспертности, мы встраиваем работу в актуальное направление исследований конструирования экспертного знания.

Особое внимание уделено актуализации концепта «архитектурной критики» в рамках культурной журналистики. Проводится анализ ранее не изученных процессов включения архитектурной критики в область «культурной повестки» и её сепарации от институциональной архитектурной среды. Продемонстрировано соотношение практик конструирования идеального образа критика с некоторыми из направлений советского архитектурного дискурса. Реконструируются стратегии, логики и контексты функционирования, а также границы дискурсов архитектурной критики данного периода.

Зарождение в постсоветский период принципиально новых форм архитектурной критики впервые связывается с такими процессами, как разложение «формального языка» советской архитектуры, начавшееся в перестроечный период, девальвация профессионального экспертного знания и сепарация архитектурной критики от институциональной архитектурной сферы. Это позволяет встроить критику в пространство культурного потребления, рассматривая её как один из феноменов постсоветской массовой культуры.

Проблематизируется значимый для исследований российской культуры вопрос взаимодействия с советским наследием, которое может варьироваться от эксплицитного противопоставления до имплицитного заимствования форм. Проводится анализ того, как через отношения с советским прошлым конструируются категории «архитектурная критика» и «современная архитектура», как через отрицание «советского» выстраивается новая архитектурная мифология, многие элементы которой впоследствии закрепятся в массовой культуре.

Теоретическая значимость. Исследование дополняет область изучения архитектурной критики как культурного феномена, её специфических функций, среди которых – культурная «медиация» и влияние на общественный архитектурный дискурс.

В рамках исследования впервые предпринимается попытка описания процессов маргинализации советского профессионального архитектурного дискурса, которые привели к появлению архитектурной критики как значимого концепта для медиакультуры 1990-2000-х гг.,

Междисциплинарный характер работы обусловлен тем, что она также дополняет область исследований массовой культуры, практик производства экспертного знания, медийной репрезентации.

Практическая значимость. Результаты данного исследования могут быть использованы при разработке образовательных программ и методических материалов по

различным курсам в областях истории современной российской культуры, исследований медиа.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Процессы, происходящие как в архитектурной среде, так и в социально-культурном пространстве в условиях распада СССР приводят к утрате монополии институциональных профессионалов на производство архитектурной критики и маргинализации прежних форм экспертного знания.
2. Использование актуальных медийных форматов в период 1990- 2000-х гг. является ключевым фактором для вхождения новой архитектурной критики в поле массовой культуры и её сепарации от институциональной архитектурной среды.
3. Архитектурная критика в новых медийных форматах становится частью престижного культурного потребления, что приводит к трансформации её функций и способов репрезентации, отныне ориентированных на формирование потребительских моделей и статусных идентичностей
4. Фигура «архитектурного критика» конструируется в медиакультуре 1990-2000-х гг. как стратегия публичной саморепрезентации, используемая для перформативного обоснования экспертного статуса в условиях девальвации традиционного профессионального знания.
5. Производство новой экспертности в медиатизированной среде осуществляется через модели, предполагающие упрощение экспертного дискурса, взаимопроникновение профанного и профессионального знания и непрерывное утверждение экспертного статуса в конкурентной борьбе за дискурсивную гегемонию.
6. Дискурс новой архитектурной критики структурируется вокруг ключевых категорий, которые, выступая в качестве узловых точек дискурса, задают границы артикулируемых значений и конструируют мифологию современной российской архитектуры посредством поляризованного отношения к актуальной архитектурной практике, советскому прошлому и западным архитектурным образцам.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности

Диссертационное исследование соответствует паспорту ВАК по специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства и защищается по следующим областям исследований: 15. Возникновение и развитие исторически удаленных и современных феноменов культуры; 32. Культура и общество. Социокультурная динамика; 75. Медиакультура. Цифровая культура.

Апробация результатов исследования

Диссертация обсуждалась в рамках аспирантских научных мероприятий и на заседаниях кафедры. Результаты разных этапов проводимого исследования были представлены на следующих научно-практических конференциях: II Всероссийская научная конференция «Ветер Перестройки» (9-11 ноября 2022 года, Санкт-Петербург), VII и VIII Ежегодный Форум молодых исследователей искусства и культуры «Научная весна» (26-28 апреля 2023, 24-26 апреля 2024, ГИИ), «Современные методы изучения культуры – XV» (7-8 апреля 2023 года) – РГГУ, Факультет культурологии, «Советское искусство и архитектура глазами молодых исследователей» (6-7 октября 2023 года, НИУ ВШЭ, Факультет гуманитарных наук), XXXI Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (МГУ, 12-26 апреля 2024 года), 2-я международная научная конференция «Традиция в литературе и искусстве» (6-7 июня 2024 года, ИНИОН РАН).

По теме исследования было опубликовано 3 статьи в изданиях, входящих в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Структура диссертации включает введение, три главы, заключение, список источников и литературы (общий объем работы без приложений — 275 страниц).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** формулируется актуальность исследования, степень разработанности темы, определяются объект и предмет исследования, цель и задачи, дается обзор источников и использованной теоретической литературы, обосновывается методология, представляются основные положения, выносимые на защиту.

В **Главе 1. Архитектурная критика: теоретико-исторические аспекты изучения феномена** рассматриваются историко-культурный контекст исследуемого феномена и подходы к его исследованию в современном гуманитарном знании. Описывается процесс исторических трансформаций российской архитектурной критики, анализируются особенности концепта «архитектурной критики» в советский период 1970-1980-х гг. Исследуются исторические и культурные контексты архитектурной критики 1990-2000-х гг. – трансформации архитектурной, государственной и общественной сферы, новые формы отношений между архитектурой и властью, а также внутри профессиональной среды.

В первом параграфе **«Архитектурная критика как объект исследования в гуманитарном знании»** представлены основные подходы в рамках российских и зарубежных исследований феномена архитектурной критики. Выделяются и систематизируются два основных направления: первое рассматривает архитектурную критику преимущественно в институциональной перспективе — как прикладную

дисциплину в рамках профессионального архитектурного дискурса, второе понимает критику как социокультурный феномен и практику культурной медиации, ориентированную на широкую аудиторию и существующую в медийном поле. На основании проведённого анализа обосновываются методологические основания исследования, которые заключается в преодолении ограничений профессиональной оптики и рассмотрении трансформаций архитектурной критики 1990–2000-х годов как сложного культурного феномена, встроенного в контекст медиакультуры и новых моделей производства экспертного знания.

Во втором параграфе **«Архитектурная критика в системе экспертного знания: подходы к исследованию»** исследуются теоретические подходы к анализу архитектурной критики как формы экспертного знания в условиях медиатизированного общества. В нем рассматривается концепция критика как культурного медиатора и носителя «эстетической власти» (Р.Б. Роллин, У. Шрам), а также анализируются работы, фокусирующиеся на социокультурных функциях медиакритики и её роли в производстве культурных ценностей и иерархий (П. Риксон). Особое внимание уделяется современным типологиям экспертных позиций, в частности модели «гетерогенного культурного критика» (Н.Н. Кристенсен), описывающей сосуществование и взаимодействие институциональных и внеинституциональных форм экспертизы. В контексте российских реалий анализируются процессы трансформации и конкуренции между профессиональным и любительским знанием в культурной журналистике (Н.Е. Вокуев). На основе данного обзора формулируется теоретическая рамка для изучения постсоветской архитектурной критики, ключевым аспектом которой становится анализ динамичных границ между профессиональным и профанным знанием, а также механизмов конструирования и перформативного утверждения новой экспертности в медийном поле.

В третьем параграфе **«1.3. Архитектурная критика советского периода»** реконструируется то, как функционировал и интерпретировался концепт «архитектурной критики» в позднесоветский период, что позволяет лучше понять историко-культурный контекст, который предшествовал появлению новой российской архитектурной критики 1990-2000-х гг. Выявляются наиболее распространенные формы советской критики и анализируется их медийная специфика. Анализируются процессы осмысления и институционализации концепта «архитектурной критики» в 1970–1980-е гг. Делается вывод, что, несмотря на интенсификацию дискуссий о критике в профессиональной среде, эти обсуждения оставались замкнуты в рамках институциональной среды и не привели к формированию публичной критической практики. Анализ публикаций в специализированных изданиях и материалов мероприятий (таких как Собрание

архитектурных критиков социалистических стран 1983 г.) показывает, что в среде архитекторов констатировалось кризисное состояние существующей экспертной оценки, звучали призывы к созданию квалифицированной критики общекультурного масштаба. Однако попытки её искусственного конструирования (учебные пособия С.П. Заварихина, работы ВНИИТАГ, статьи А. Раппопорта) не увенчались успехом. Это связывается с чрезмерной теоретизацией и сциентизмом институционального подхода, а также отсутствием ключевого условия — необходимости сепарации фигуры критика от профессионального сообщества, внутри которого не существовало социальных и институциональных предпосылок для появления независимой экспертной позиции.

В четвертом параграфе **«Архитектурная критика в России 1990-2000-х годов»** реконструируется историко-культурный контекст постсоветского периода, который обусловил радикальную трансформацию архитектурной критики. Анализируются изменения в архитектурной сфере в период перехода от плановой экономики и централизованной системы проектных институтов к рыночным отношениям, что приводит к индивидуализации архитектурного заказа, появлению частного клиента и коммерциализации отрасли. Рассматривается изменение отношений архитектуры и власти, когда последняя, объединившись с крупным капиталом, становится ключевым заказчиком «имиджевых» проектов, а архитектура превращается в инструмент идеологической репрезентации и демонстративного потребления. На основе этого анализа делается вывод, что децентрализация архитектурного процесса, распад монополии профессиональных институций и погружение архитектуры в логику рынка создали предпосылки для возникновения новых форм критики. Критика более не ограничивается внутрицеховой экспертизой, а встраивается в медийное поле, где её основными функциями становятся борьба за символический капитал, формирование статусных моделей потребления и артикуляция поляризованных позиций по отношению к советскому прошлому и западным образцам. Таким образом, трансформация архитектурной среды обеспечила условия для формирования нового экспертного дискурса в медиатизированной среде.

В **Главе 2. Формы и функции архитектурной критики в медиакультуре 1990-2000-х годов** анализируются новые формы архитектурной критики в медиакультуре 1990-2000-х гг., трансформации старых форматов и особенности их функционирования. Раскрывается специфика медийного пространства 1990-2000-х годов, исследуются функции и акторы критики.

В первом параграфе **«Маргинализация профессионального дискурса архитектурной критики»** анализируется состояние профессиональной архитектурной периодики в 1990-е годы и её роль в трансформации экспертного дискурса. Прекращение

существования ключевых архитектурных периодических изданий с распадом СССР связывается с завершением институциональной монополии в медийном пространстве. Их преемниками становятся немногочисленные, финансируемые узкими профессиональными группами издания, которые, сохраняя советские названия и часть коллективов, продолжают существование уже с незначительными тиражами в маргинализированном статусе корпоративной периодики.

На материале публикаций этих журналов демонстрируется, что архитектурная критика в них не претерпевает качественной трансформации, а, напротив, показывает консервацию основных черт советского профессионального дискурса, к которым теперь добавляется специфическая интеллектуальная изолированность, сведение критической практики к взаимной верификации внутри профессионального цеха. Показан процесс формирования «безопасной» критики, открыто обслуживающей интересы новообразованных профессиональных институций. Делается вывод о том, что в постсоветский период традиционная профессиональная критика, отказавшись от освоения новых форматов, занимает нишу культурно и медийно изолированного экспертного знания.

Во втором параграфе **«Журнальная и газетная критика 1990-х годов. Архитектурная критика в контексте новой культурной журналистики»** анализируется ключевой этап трансформации архитектурной критики, связанный с её вхождением в поле массовой медиакультуры в середине 1990-х годов. Выявляются сложившиеся предпосылки: образование крупных медиахолдингов со значительными бюджетами, появление в крупных общественно-политических газетах новых отделов культуры, которые формировались из представителей академической гуманитарной среды. Исследование специфики возникающих в постсоветской медиакультуре альтернативных форм архитектурной критики было проведено на материале журнальных и газетных публикаций изданий, в которых наиболее наглядно проявились процессы трансформации культурной журналистики (газеты «Сегодня», «Коммерсантъ», «Независимая газета», журнал «Итоги»). В ходе него было обнаружено, что новые критики, не связанные с профессиональными институциями, быстро завоевали популярность доступностью языка и остротой поднимаемых через архитектуру тем. Ранее относившаяся к рубрике «строительства», в данных изданиях она впервые обретает статус полноправной темы культурной повестки. Это позволяет интерпретировать критику в данном контексте как инструмент демонстративного культурного потребления, а фигуру критика — в качестве проводника в это пространство, ориентированного не столько на аудиторию, сколько на утверждение статуса.

В третьем параграфе **“Архитектурная критика как часть «глянцевого» дискурса”** прослеживаются дальнейшие трансформации формата в 2000-е годы, когда архитектурная критика становится частью «глянцевого» дискурса. Происходит сдвиг от статусной культурной публицистики к логике «инфотеймента» — развлекательной подачи информации, ориентированной на эмоциональное воздействие. Архитектурная критика в данный период трансформируется в инструмент формирования потребительских трендов, стандартов «хорошего вкуса» и образа жизни привилегированной прослойки общества. Глянцевая архитектурная критика подчинена консюмеристской идеологии: исключает негатив, фетишизирует идеальный визуальный образ и редуцирует роль критика до проводника в мир элитного потребления. Это часть борьбы за медиагегемонию, где высокий статус критика как посредника в престижном потреблении повышает его легитимность, медийность и социальный капитал.

В четвертом параграфе **«Архитектурная критика в сетевом пространстве: приглашение к публичной дискуссии»** анализируется экспансия архитектурной критики в сетевом пространстве в конце 1990-х – 2000-х гг. и её последствия для производства экспертного знания. Показано, что появление специализированных порталов (таких как «Архи.ру» и «Другая Москва»), агрегировавших корпус критических текстов, позволило впервые систематизировать разнообразие мнений и сформировать устойчивый список актуальных «архитектурных критиков». Это способствовало установлению информационной монополии нового дискурса в условиях маргинализации профессионального архитектурного сообщества.

Анализ интерактивных форматов новых площадок для обсуждения архитектуры выявляет их двойственную функцию. С одной стороны, они формально демократизировали дискуссию, вовлекая аудиторию в обсуждение. С другой — превратились в инструмент, который позволил критикам перформативно утверждать свой экспертный статус. Декларируя открытость дискуссии, они фактически сохраняли контроль над её дискурсивными рамками и поддерживали символическую дистанцию с аудиторией. Таким образом, развитие сетевых форматов укрепило позиции новой критики как ключевого медиатора между архитектурой и обществом.

В **Главе 3. «Экспертное знание в дискурсе архитектурной критики 1990–2000-х гг.** анализируется специфика дискурса архитектурной критики и связанных с ним практик саморепрезентации. Раскрывается значимость зародившейся в медиакультуре 1990-2000-х годов идентичности «архитектурного критика» как определяющей стратегии утверждения экспертного статуса. Предпринимается попытка охарактеризовать и проанализировать доминирующий в медийном пространстве дискурс архитектурной критики, выявить его

узловые точки и основные мифологии, попытаться очертить границы, в которых он существует.

В первом параграфе **«Архитектурный критик как новый персонаж медиакультуры: стратегии саморепрезентации»** анализируется процесс конструирования в медиакультуре 1990–2000-х гг. новой публичной фигуры «архитектурного критика». Автор показывает, что определяющей чертой этой фигуры становится саморепрезентация в качестве публичного интеллектуала, чей элитистский дискурс ориентирован на аудиторию «образованного меньшинства». Функция критика смещается от профессиональной оценки архитектуры к производству культурно-политической аналитики, в котором архитектура служит лишь поводом для статусных дебатов.

На примере наиболее медийных фигур новой архитектурной критики (Н. Малинин, Г. Ревзин) было показано, как активное использование этой идентичности позволило утвердить новую экспертную монополию, сместив авторитет традиционного профессионального знания. В то же время подчеркивается, что в рамках отдельных медиа (журнала «Проект Россия») экспертная позиция конструируется не через личную самоидентификацию, а непосредственно через дискурс издания, который исключает альтернативные точки зрения и представляет критика как обезличенного «фиксатора» прогресса.

Во втором параграфе **«Производство новой экспертности в медиатизированной среде»** исследуются новые механизмы производства экспертного знания в медиатизированной среде 1990–2000-х гг. Анализируется, как архитектурные критики утверждали свой статус, действуя как медиаторы «хорошего вкуса». Одной из ключевых стратегий становится радикальное отрицание советской архитектурной традиции, представляемой как «неправильный» путь развития, что позволяло конструировать собственную уникальность на фоне дискредитированного институционального знания. Экспертность начинает основываться не на профессиональной верификации, а на «харизматическом авторитете», медиаперсоне, апелляции к «здравому смыслу» и конструировании уникальной позиции, что соответствует механизмам «альтернативных» форм экспертизы в медиа. Особую роль начинает играть принадлежность критика к влиятельным СМИ, чей символический капитал передается критику. Анализ также показывает, что экспертный дискурс помещается в пространство «инфотеймента», где информирование сочетается с развлечением, а статус критика легитимируется через демонстрацию практик культурного потребления и адаптацию к языку массовой аудитории. Таким образом, проведённый анализ позволяет проследить, как в условиях девальвации

традиционного профессионального знания новая экспертность производилась через перформативные стратегии самоутверждения и освоение логик медиаполя.

В третьем параграфе **«Ключевые категории дискурса архитектурной критики 1990-2000-х гг.»** производители архитектурной критики 1990-2000-х годов рассматриваются в качестве представителей единого дискурсивного сообщества, а создаваемые ими тексты – как часть того дискурса архитектурной критики, который доминирует в медиакультуре 1990-2000-х гг., что было обосновано в предшествующих главах. Таким образом представляется возможным реконструировать стратегии, логики и контексты функционирования данного дискурса с помощью репрезентативных выборок по трем узловым точкам: «Дискуссионность», «Автор» и «Актуальная архитектура».

В **подпараграфе 3.3.1** анализ дискурса архитектурной критики проводится посредством узловой точки «дискуссионность». Было выявлено, что новая архитектурная критика активно декларирует свою демократичность и открытость к дискуссии, используя это как инструмент борьбы за дискурсивную власть. Об этом свидетельствует тот факт, что пространство дискуссии оказывается избирательным: риторика открытости выступает в качестве символического маркирования коллективной идентичности критиков и легитимации их взглядов, одновременно исключая «нежелательные» голоса. Включение элементов альтернативных дискурсов происходит лишь для их последующей интеграции в миф об «актуальной» архитектуре, а критерии включения остаются гибкими. Ярким примером служит конструирование образа «московского стиля» как набора практик, принадлежность к которым становится основанием для исключения из пространства дискуссии.

В **подпараграфе 3.3.2** рассматривается узловая точка «актуальная архитектура», которая выступает в дискурсе критики не как хронологический, а как концептуальный фильтр, через который оценивается современная практика. Одни и те же явления в архитектуре (например, историзм) могут трактоваться диаметрально противоположно — как признак отсталости или, напротив, осмысленная ценностная позиция. Данная категория определяется не стилистическими признаками, а символическим потенциалом сближения с воображаемым Западом и набором «нормализующих» практик. Советское прошлое выступает здесь как тотальное отклонение от нормы, преодоление которого становится частью перформативной работы критики. При этом норма сознательно конструируется как недостижимая: её реализация и полная интеграция российской архитектуры в глобальный контекст были бы невыгодны критику как обладателю эксклюзивного знания. Поэтому факты, свидетельствующие о наступлении «нормальности», реинтерпретируются для сохранения дискурсивных связей и удержания экспертной монополии.

В подпараграфе 3.3.3. узловая точка «автор» рассматривается как ключевая для демонстрации сдвига от советской модели архитектора-исполнителя к образу творца-индивидуалиста. В дискурсе критики личные качества архитектора — ответственность, принципиальность, визионерство — становятся критериями оценки, а процесс создания архитектуры начинает описываться в терминах личной борьбы автора за воплощение замысла. Критики участвуют в создании потребительской иерархии в сфере архитектуры, где индивидуальность и личные качества зодчего приобретают не меньшую значимость, чем профессиональные компетенции. Исследуемый процесс вписывается в общую тенденцию к персонализации экспертного знания — и сам авторитет критика, и конструируемый им авторитет архитекторов производится через создание образа узнаваемых публичных фигур с уникальными чертами в качестве медийных персонажей.

В четвертом параграфе **«Конструирование мифологии современной российской архитектуры»** рассмотрен процесс конструирования образа «Другого» в разговоре об архитектуре на разных этапах развития российской архитектурной критики на протяжении 1990-2000-х годов — эту функцию выполняет сначала советская, затем «лужковская» или выполненная в «московском стиле» архитектура. Параллельно с этим создаются мифы архитектурного «возрождения», декларируемые ценности «неомодернистской» архитектуры и «глобальный» характер новых архитектурных сооружений в качестве эстетического ориентира.

В параграфе прослеживается то, как новые архитектурные мифы постепенно замещали прежние и в конечном итоге вышли за пределы архитектурной критики в массовую культуру, что свидетельствует о значительных успехах новой критики в установлении собственной дискурсивной гегемонии. Новую актуальность они обретают в 2010-е годы, в которые наблюдается смена архитектурной парадигмы: идеализированный образ западной архитектуры, конструировавшийся критикой в 1990-2000-х гг., материализуется через активное привлечение иностранных специалистов и бюро к проектированию. На этом фоне мифология, созданная дискурсом архитектурной критики, сохраняется и встраивается в массовую культуру, но наследуется уже новым урбанистическим дискурсом, который интегрирует элементы как традиционной, так и медиатизированной экспертизы. Таким образом, нарратив о прошлом, сформированный критиками, становится частью более широкой институциональной системы знания, связанной с государственной и профессиональной градостроительной деятельностью.

В **заключении** подводятся итоги комплексного анализа трансформаций архитектурной критики в российской медиакulturе 1990–2000-х годов, позволившего раскрыть ее новые функции в производстве экспертного знания. Результаты исследования

заканчиваются в выявлении и раскрытии механизмов того, как концепт «архитектурной критики» участвует в формировании новых моделей производства экспертного знания.

Архитектурные, профессиональные и медийные трансформации связанные с распадом СССР приводят к девальвации профессиональной экспертизы и масштабным изменениям в сфере архитектурной критики, которая в позднесоветский период оставалась узкопрофессиональной, несмотря на активизацию дискуссий о её публичной роли в профессиональной среде и последующий краткий период интенсификации критики в перестройку. В постсоветский период маргинализация архитектурной критики и консервация её дискурса становятся следствием закрытости профессионального сообщества и упадка институциональной прессы.

Развитие конкурентного медиарынка приводит к смещению монополии профессиональных архитектурных изданий и появлению новых форматов культурной журналистики, рассчитанных на более сегментированное культурное потребление. Анализ публикаций в ключевых постсоветских СМИ 1990–2000-х гг. выявил, что новые критики, не связанные с профессиональными институциями, быстро завоевали популярность, монополизировав сферу через формирование собственного дискурса, основанного на специфических эстетических и политических конвенциях, а также на мифологизации предшествующей архитектурной эпохи.

В качестве концепта медиакультуры 1990–2000-х гг. архитектурная критика сформировалась в популярной прессе усилиями разнородного круга внеинституциональных авторов, вытеснивших традиционных экспертов. Их успешное конструирование собственной дискурсивной гегемонии подтверждается устойчивостью введённых ими категорий (например, ценности «архитектурной дискуссии» и негативной оценки советского опыта) в массовой культуре и после завершения периода.

Анализ репрезентаций в глянцевах и газетных изданиях 2000-х гг. подтвердил гипотезу о переходе архитектурной критики в сферу престижного культурного потребления, где она, утратив связь с институциональной сферой, стала инструментом социально-политической рефлексии и трансляции потребительских моделей.

Были сформулированы ключевые категории и свойства дискурса архитектурной критики 1990–2000-х гг. Показано, что в дискурсе архитектурной критики данного периода фигура критика функционировала как одна из стратегий перформативного конструирования экспертной позиции, где производство экспертности основывалось на обещании читателю прироста культурного и социального капитала, что в итоге легитимировало альтернативные формы знания в медиаполе.

Применение теории дискурса Э. Лаклау и Ш. Муффа к корпусу текстов новой архитектурной критики 1990–2000-х гг. позволило реконструировать её узловые точки, среди которых ключевыми являются фигура «автора», конструирующая идентичность архитектора как носителя индивидуалистических ценностей, «актуальная архитектура», выстраиваемая через поляризованные отношения к знакам воображаемого Запада и советского прошлого и «дискуссионностью», в рамках которой архитектура получает дополнительное символическое измерение как отражение ценностей открытости и демократичности, к которым также оказываются допущены не все желающие. Важным является то, что отношение к советскому наследию в дискурсе архитектурной критики не является одномерным, в нем сочетаются стратегии активного отрицания с имплицитным заимствованием его организационных и риторических моделей.

Было установлено, что пространство новой критики неоднородно и представляет собой пестрое смыкание сегментов профанного и профессионального знания. Реализуемые в медиакulturе в качестве ответа на кризис традиционного экспертного знания модели производства экспертности образуют культурный сдвиг, в результате которого экспертная оценка нивелируется на фоне непосредственной саморепрезентации в качестве носителя уникального знания. Вследствие этого экспертный дискурс подчиняется задаче непрерывного привлечения массовой аудитории, в силу чего происходит его значительное упрощение. Под влиянием данной тенденции институциональные профессионалы прибегают к стратегиям профанной экспертизы как к средству утверждения и сохранения своего статуса в медиатизированной среде.

**Основные положения диссертационного исследования отражены в
следующих публикациях автора:**

Статьи в изданиях, входящих в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки России:

1. Данилов В. В. Образ «советского модернизма» в архитектурно-критическом дискурсе журнала «Проект Россия» 1990-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2022. — №. 7-2. — С. 185-198.
2. Данилов В. В. Фигура «архитектурного критика» в российской медиакulturе 1990-2000-х гг. // Культура и искусство. — 2024. — №. 8. — С. 65-80.
3. Данилов В. В. Архитектурная критика в социокультурной среде России 1990–2000-х годов // Ценности и смыслы. — 2024. — №. 4 (92). — С. 132-149.

Статьи в других изданиях:

1. Данилов В.В. Трансформации советской архитектурной периодики в эпоху Перестройки 1985-1991 гг. // Ветер Перестройки-2022. Сборник материалов Второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9-11 ноября 2022 года / А. Д. Матлин (отв. ред). СПб.: Скифия-принт, 2023. — С. 235-240.
2. «Поддержать прерванную традицию». Образы прошлого в российской архитектурной критике 1990-х годов // Аспирантский сборник. Выпуск 13. Сборник статей по материалам Международного форума молодых исследователей искусства «Научная весна–2023». Ред.-сост. Н.Д. Мостицкая. М.: Государственный институт искусствознания, 2024. – С. 39-45.